

ситеты, в бурной атмосфере которых раскрылся подлинный смысл его поэзии. Это и понятно, поскольку творчество Галиба — вдохновенный гимн разуму, величайшему достоянию человека.

Вся предшествовавшая Галибу поэзия на урду считалась голосом сердца и мелодией, рожденной творческим экстазом. В эпоху возраставшей роли науки поэт громко заявил, что поэтический труд — это не только горение сердца и восторженный экстаз, но в первую очередь — глубокое раздумье и тщательное изучение жизни людей и вселенной. По наблюдению индийского филолога З. Ансари, Галиб-философ усматривает существо поэзии как бы в трех составляющих ее мотивах: скорбь, любовь, сила разума.

Скорбь — это молчаливое страдание, накопление чувственного и рационального опыта, крушение желаний; любовь — это буря страстей и стремлений; сила разума — это могучий полет мысли и фантазии. Процесс творчества, по Галибу, — не только постоянная смена удовлетворения и неудовлетворенности, не только полет на крыльях мысли и не только проникновение в мир чувств и рассудка. Подлинное искусство требует слияния всего этого, и только тогда художник сумеет «отполировать зеркало и проявить в нем лицо смысла». Художник, считает поэт, должен страдать вместе со своей эпохой, не только созерцать жизнь, но и деятельно в ней участвовать, осознавать свой чувственный и рациональный опыт, искать краски его художественного отображения.

Мне у жизнелюбия и страсти
оставаться в кабале довеку,
Молнии пальящей поклоняться
и жалеть сожженную скирду.

Отдавая должное зрелости этих мыслей поэта, следует подчеркнуть общую гуманистическую направленность его творчества, критическое отношение к духовенству, нетерпимость к фанатизму и суевериям, призыв к братству людей независимо от их религиозной принадлежности, сочувствие к простым людям, прославление труда. Эти черты его творчества и его мысли дали направление развитию поэзии урду на многие десятилетия вперед, связали между собой поэзию классическую и современную и, можно сказать, обусловили возникновение нового крупного явления в индийской литературе, каким уже в XX веке стала поэзия Мухаммада Икбала (1877—1938).


Сборник газелей и рубаи Галиба — первая значительная и успешная попытка воссоздания творчества поэта на русском языке. Книга вышла в серии «Сокровища лирической поэзии»; в нее вошло сто двадцать пять небольших, преимущественно лирических, произведений. Это немного в сравнении с огромным наследием поэта, и все же знакомство советских читателей с Галибом состоялось. Представившая его поэтесса Вера Потапова преодолела немалые трудности, связанные с версификацией сложной поэтики, причудливой символики галибовского стиха, стремясь отразить в

переводе всю глубину и емкость его образов. Впрочем, изящная и полемичная газель давно уже близка поэтессе, переводившей и дивную лирику Алишера Навои и андалусскую поэзию. Вместе с тем архисложные философские и ультравитиеватые лирические стихи персидских диванов Галиба еще ждут своего переводчика.

ГЕННАДИЙ ЯРОСЛАВЦЕВ

ЛИЧНАЯ АНТОЛОГИЯ МИХАИЛА ЗЕНКЕВИЧА

Американские поэты. В переводах М. Зенкевича. Справки об авторах Е. Осеновой. Москва, «Художественная литература», 1969. 285 стр.

 Эта книга — личная антология. Жанр в нашей переводной поэзии довольно редкий.

Всю жизнь переводили французов Иннокентий Анненский, Валерий Брюсов, Бенедикт Лившиц, Павел Антокольский. Это весьма способствовало высокому качеству созданных ими личных антологий французской поэзии.

Всю жизнь переводит американцев Михаил Зенкевич. Вместе с Кашкиным он открыл поэзию Соединенных Штатов Америки для нашего читателя. Отдельных поэтов знали и переводили и раньше. Эдгара По — символисты, особенно Бальмонт. Уитмена — тот же Бальмонт и Корней Чуковский. Лонгфелло — Михайлов и Бунин.

Однако целостную картину поэзии Соединенных Штатов, протяженную в пространстве и времени, воссоздали на русском языке Кашкин и Зенкевич, особенно Зенкевич.

Вспомним подписанную этими поэтами объемистую книгу «Америка. XX век», изданную перед войной. Тогда ее прочитали все поэты и все стихолубы. На литературный процесс, как правило, влияют лишь немногие переводные поэтические книги. Однако в первой американской антологии одни нашли революционный пафос молодого Сэндберга, Джо Хилла и пролетарских поэтов 30-х годов. Другие заинтересовались преобразованием античных эпиграмм у Мастерса. Третьи — ритмикой Линдзи или портретами Робинсона. Возрождение в нашей поэзии интереса к свободному стиху в некоторой степени связано с этой книгой.

С тех пор Зенкевич много перевел и много издал. Разные варианты его «Американских поэтов» публиковались неоднократно. Вышедшая недавно в «Художественной литературе» книга показывает десятилетия работы Зенкевича наиболее полно.

Вот как определяет свои задачи сам поэт: «Мой выбор падал на такие произведения, которые не только представляют ис-

СРЕДИ КНИГ

торико-литературный интерес, но поэтически живо звучат и в наше время. Размер сборника не позволял мне включать большие поэмы, приходилось ограничиваться сравнительно недлинными повествовательными, балладными и лирическими стихами. Несмотря на неизбежную в таких сборниках отрывочность и разрозненность материала, я старался подобрать и расположить стихи так, чтобы они не только представляли каждого поэта в отдельности, но и, дополняя друг друга, намечали бы, как отдельные мазки кистью, связную картину целого: движение и развитие американской поэзии за полтора столетия...

31 поэт от Филипа Френо до Роберта Лоуэлла представлены, как правило, циклами. Первое стихотворение сборника датировано 1788 годом. Последнее — 1964 годом. Интересно, что сборник начинается и кончается эпитафиями. Со времен войны за Независимость и индийских войн американские поэты пережили и откликнулись на множество сражений национальной истории и истории человечества. В книге немало эпитафий, начиная с трогательной «Я умерла за красоту» Эмили Диккинсон — поэтессы, которой у нас до Зенкевича не знали, кончая «Необычайными похоронами в Брэддоке» Майкла Голда. Это естественно для страны, обогравшейся кровью так часто, как Соединенные Штаты.

В книге передан и демократический напор американского народа, тот размах свободолюбия, который привлекал к этой поэзии и наших революционеров-шестидесятников и Петроградскую коммуну, издававшую Уитмена в самые тяжелые годы гражданской войны.

Все переводчики исходят в первую голову из интересов своей культуры и своего общества. Естественно и правильно, что Зенкевич выбирает преимущественно свободолюбцев и демократов, что Уитмен, Сэндберг, Мастерс, Хьюз даны в его книге особенно широко. И Беранже у нас переводили больше и лучше, чем Ламартина и даже Верлена. Однако Зенкевич помнит о месте поэтов не только в нашей литературной традиции, но и в традиции Соединенных Штатов.

Особенно хочется отметить большой цикл Элиота, а в нем давно известный у нас «Гиппопотам» и ранее не публиковавшийся хороший перевод «Марины».

Ральф Эмерсон, Оливер Холмс, Генри Торо, Джеймс Лоуэлл также представлены многими стихами.

В переводах Зенкевича очень сказывается сильный и самобытный поэтический дар автора. Уже 60 лет Зенкевич пишет и публикует стихи. Его поэзия, начиная с первого сборника «Дикая порфира», кончая прекрасными стихами об Отечественной войне, — заметный вклад в нашу оригинальную поэзию. Как у всех, почти без исключения, крупных переводчиков поэзии, талант Зенкевича — прежде всего поэтический талант.

Приведу начало «Ворона»:

Как-то в полночь, в час угрюмый,
утомившись от раздумий,
Задремал я над страницей фолианта
одного
И очнулся вдруг от звука, будто кто-то
вдруг застучал,
Будто глухо так застучал в двери дома
моего.
«Гость, — сказал я, — там стучится в
двери дома моего.
Гость и больше ничего».

Естественность повествования соединена здесь с неукоснительным следованием за всеми извилиями достаточно извитой формы По.

«Огонь и лед» Фроста заслуживает того, чтобы быть приведенным полностью:

Кто говорит, мир от огня
Погибнет, кто от льда.
А что касается меня,
Я за огонь стою всегда.
Но если дважды гибель ждет
Наш мир земной, ну что ж,
Тогда для разрушенья лед
Хорош,
И тоже подойдет.

Я взял двух поэтов далеких от русской поэтической традиции. Только подлинный талант мог превратить стихотворения По и Фроста, а также Элиота и Линдзи, Робинсона Джефферса и Эдны Винсент Миллэй в факты русской поэзии. Зенкевич смог.

Какой разноголосый и какой слаженный оркестр — эта книга!

Верлибр Голда очень далек от верлибра Мастерса и от трудного, темного стиха Роберта Лоуэлла. Песни Хилла — от строгой строфики Роберта Лоуэлла. Развалка Брета Гарта — от дисциплины Оливера Холмса. Не следует забывать, что Зенкевич почти всегда выступает первопроходцем, что традиции перевода того или иного американского мастера почти всегда начинаются с Зенкевича.

Накануне своего восьмидесятилетия Михаил Александрович выступает с лучшей из своих переводных книг, а ведь он воссоздавал на русском языке и Шекспира и Фрейлиграта и Негоша.

Маленькие рассказы о поэтах, написанные Е. Осеновой и скромно названные «Справки об авторах», хорошо аккомпанируют стихам.

Б. СЛУЦКИЙ

